

были последовательными сторонниками нового; консервативные силы сосредоточивались в Москве, а цитаделью новаторов-иосифлян был Новгород. «В то время как в Новгороде и Волоколамске религиозные идеи уже ориентировались на идеал третьего Рима, в Москве царствовал еще старый дух русской церкви того времени, когда она была провинцией Константинопольской патриархии», — пишет И. Денисов.⁶⁶ Идеологическое новаторство иосифлян заключалось, по мнению И. Денисова, прежде всего в их близости к западно-католической церкви. К Западу (через Геннадия) восходила, согласно И. Денисову, и иосифлянская теория «Москвы — третьего Рима». Противники иосифлян — митрополит Геронтий и нестяжатели — были враждебны католическому влиянию и поддерживали традиционные связи с греческой церковью; что касается «ереси жидовствующих», то она представляла собой «антитезу к идеалу третьего Рима».⁶⁷

Итак, если, по мнению Г. Штекля, направление Иосифа на целые столетия установило непроходимую грань между Россией и Западом, то, по мнению И. Денисова, это направление как раз ориентировалось на Запад. И, что особенно важно отметить, при столь значительном расхождении в выводах все перечисленные иностранные исследователи в фактической оценке обоих идеологических направлений конца XV в. почти не расходятся между собой: все они, вслед за русскими исследователями, считают направление Иосифа и Нила двумя основными антагонистическими направлениями древнерусской общественной мысли, все они считают Иосифа решительным приверженцем великокняжеского абсолютизма и т. д. Вместе с этой традиционной историографической схемой иностранные исследователи унаследовали и присущие ей противоречия с фактами (высказывания волоколамского игумена о возможности неподчинения царю или князю, отсутствие таких высказываний у Нила и т. п.). Построение Денисова, помимо недостатков, присущих всей литературе вопроса, содержит и ряд других фактически неверных положений. Совершенно непонятно, например, на каком основании автор считает единомышленниками (сторонниками старины и византийской церкви) митрополита Геронтия, Паисия Ярославова и Нила Сорского. Нам не известно ни одного случая, когда бы Геронтий, с одной стороны, и Паисий и Нил, с другой, выступали совместно и с одинаковых позиций. Напротив, во время известного конфликта митрополита Геронтия с Иваном III в 1478—1484 гг. Паисий Ярославов выступал на стороне Ивана, и великий князь собирался даже назначить его митрополитом на место Геронтия. Ничего неизвестно и о сочувствии Геронтия, Паисия или Нила константинопольской иерархии; Нил Сорский действительно цитировал греческих отцов церкви, и в том числе Иоанна Лествичника, но авторитет греческой патристики никогда не отвергался представителями независимой московской митрополии всея Руси (высоко почитался он и Иосифом Волоцким).⁶⁸ Наконец, ни Геронтий, ни (вопреки традиционным представлениям) Паисий и Нил никогда не выступали против расправы с еретиками.

⁶⁶ E. Denisoff. *Aux origines...*, стр. 83—87, ср. стр. 78. Медлин также именует нестяжателей «консерваторами», а иосифлян — «националистами» (W. K. Medlin. *Moscow and East Rome...*, стр. 80—82).

⁶⁷ E. Denisoff. *Aux origines...*, стр. 77.

⁶⁸ Отметим кстати одно явное недоразумение в статье И. Денисова: характеристику политической программы последователей Нила он основывает на «Беседе валаамских чудотворцев», цитируя ее как произведение Вассиана Патрикеева (E. Denisoff. *Aux origines...*, стр. 86—87). Между тем взгляд на «Беседу» как на произведение Вассиана давно оставлен в историографии, и едва ли можно воскрешать его без новой аргументации.